

загадочный этрусский город Троиля, идентифицировать который до сих пор не удалось¹⁴. Важно, однако, во-первых, что зеркало датируется первым десятилетием III в. до н. э., т. е. оно действительно могло явиться откликом на историческое событие. Во-вторых, очень уж необычное это событие, что видно хотя бы по впечатлению, которое оно произвело на Тита Ливия и, очевидно, на источники информации историка. Думается, что жестокая методичность разгрома этрусского города римлянами вполне могла вызвать ассоциации с вероломным нападением Ахилла на Троиля. Римляне согласились за выкуп выпустить из Троиля только 470 самых богатых горожан. Из остальных 2400 человек убито, 2000 пленено. Между прочим, на данном, как и на предыдущем, зеркале показывается косвенное оскорбление Аполлона. Там нападают на его пророка, здесь убивают человека невзирая на то, что он находился под защитой храма Аполлона. Не было ли в этом страстного желания вольсинийцев, чтобы гнев бога обрушился на врагов их государства? Что и говорить, весьма красноречивое признание краха политической линии Вольсиний на объединение всей Этрурии против Рима в двух последних Самнитских войнах.

Е. В. Мавлеев

---

¹⁴ Liv., X, 46, 10—12; ср. *Маяк И. Л.* Взаимоотношения Рима и италийцев в III—II вв. до н. э. (до Гракханского движения). М., 1971, с. 66; *Harris W. V.* Rome in Etruria and Umbria. Oxf., 1971, p. 115.

LES GUERRES SAMNITES ET LES MIROIRS DE VOLSINII

Je. V. Mavlejev

L'étude d'un groupe de miroirs de bronze confectionnés à Volsinii approximativement entre 350 et les années 290 av. n. è. permet de déceler des particularités de la réaction des auteurs de ces objets aux événements dramatiques des IIe et IIIe guerres samnites auxquelles les Etats étrusques ont également pris part. L'analyse de monuments concrets (compositions à nombreux personnages sur le revers du disque) permet un «déchiffrement» des allégories et allusions qu'ils contiennent grâce à l'utilisation des miroirs considérés comme des cadeaux d'ambassades volsiniennes à d'autres Etats, devant les inciter à la lutte commune contre Rome.

ИЛУРАТСКИЙ КАТАФРАКТАРИЙ

(К истории античной тяжелой кавалерии)

В ходе исследования Илурата, боспорского города-крепости I—III вв. н. э., у юго-восточной оборонительной стены в 1979—1980 гг. был открыт крупный жилой комплекс площадью около 600 кв. м, объединявший на позднем этапе своего существования, в первой половине III в., два домовладения обычной для этого памятника планировки, в основе которой лежал большой мощный двор с несколькими помещениями по периметру. Данный комплекс, несомненно, принадлежал представителю социальной верхушки города, на что указывает состав происходящих отсюда находок: довольно большое для Илурата количество монет, свинцовая гиря дос-

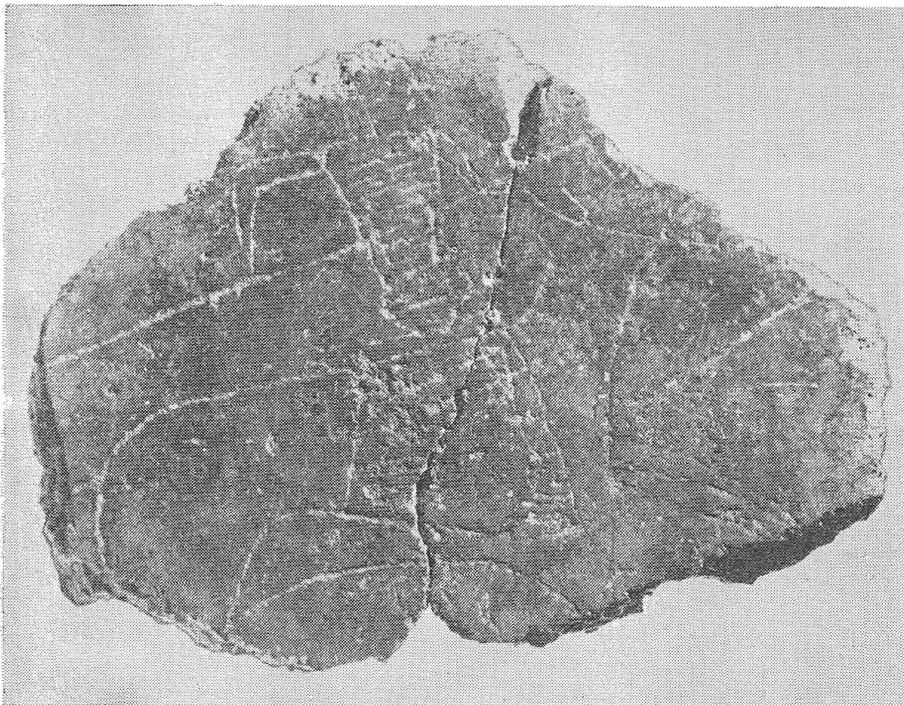

Рис. 1. Граффито из Илурата с изображением катафрактария (конец II — первая половина III в. н. э.)

тоиством в одну мину и т. д. Интересная находка была сделана в помещении, располагавшемся в восточном углу рассматриваемого жилого массива, у оборонительной стены, — обломок штукатурки красного цвета с процарапанным на ней изображением скачущего на коне воина в длинном панцирном доспехе с пикой в правой руке (рис. 1). По всей вероятности, на этом граффито изображен сам владелец дома, участвовавший в местном ополчении в соответствии со своим высоким имущественным цензом в качестве тяжеловооруженного всадника-катафрактария. Об этом свидетельствует тот факт, что в его доме имелось специальное помещение для содержания верхового коня. Предварительная публикация граффито была осуществлена И. Г. Шургая¹, который в небольшой статье, естественно, не стремился дать обстоятельную характеристику вооружения илуратского катафрактария, а лишь ограничился кратким описанием изображения на граффито и столь же лаконичным, но достаточно полным освещением ситуации в военном деле позднеантичного Боспора, характеризовавшейся прежде всего усилением роли катафрактарной кавалерии. Большая научная ценность сделанного открытия заключается в том, что, во-первых, в настоящее время известна только одна прямая аналогия находке из Илурата, а именно граффито II в. н. э. из Дура-Европос с изображением конного бронированного копейщика², а во-вторых, по-

¹ Шургая И. Г. Изображения всадника и коня из Илурата. — КСИА, 1983, вып. 174, с. 98—100, рис. 4.

² Rostovtzeff M. Graffiti. — In: The Excavations at Dura-Europos. Preliminary Report of Fourth Season of Work. New Haven — London — Oxford, 1933, p. 216 f., pl. XXII, 2.

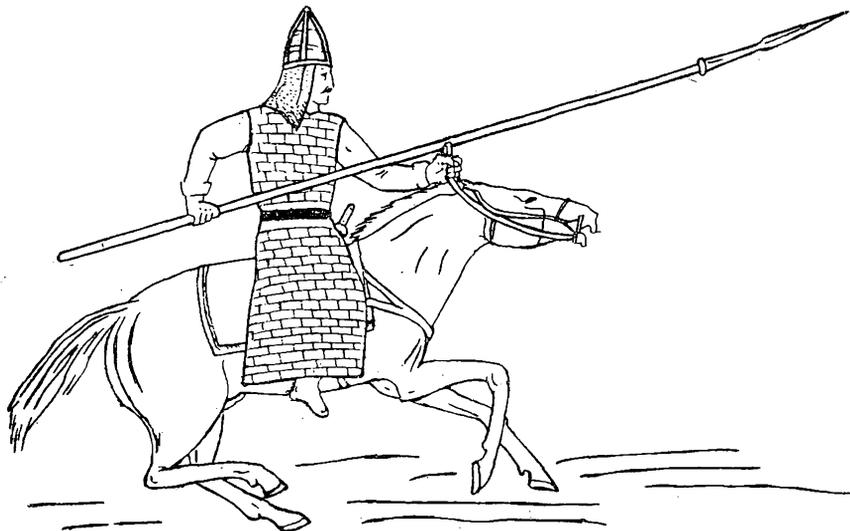

Рис. 2. Илуратский катафрактий. Реконструкция

добные сюжеты не так уж часто встречаются на памятниках античного времени. Исходя из этого, авторы предлагаемой работы хотели бы не только дать свою реконструкцию изображения илуратского всадника, но и попутно рассмотреть ряд возникающих при этом вопросов.

По справедливому замечанию И. Г. Шургая, илуратец — автор столь выразительного рисунка катафрактия, нанес его на стену «...не в целях украшения, а как нередко делаются граффито — под влиянием минуты. Именно это и придает данному изображению документальную ценность: художник изобразил то, что было предметом его каждодневных впечатлений»³. Детали, довольно четко просматриваемые на этом рисунке, дают достаточно материала для реконструкции вооружения всадника, хотя, конечно же, ее вариант, предлагаемый авторами (рис. 2), не претендует на исчерпывающую точность, но наоборот, оставляет возможность для дальнейших поправок. На наш взгляд, конник на граффито одет в длинный — до середины голени — панцирный доспех, представляющий собой безрукавный кафтан, очевидно, из кожи, с глубокими разрезами спереди и сзади, на который горизонтальными рядами встык нашиты крупные прямоугольные металлические пластины. Такой панцирь мог быть цельным, надеваемым через голову, поверх, например, шерстяной рубахи, но мог состоять и из двух частей — передней и задней, скрепляемых между собой на плечах и по бокам (на рис. 2 предположение отдано первому варианту). Возможен также и третий вариант, при котором панцирь представлял собой халат со сплошным разрезом спереди, сверху до пояса стянутым завязками, и разрезом от низа до крестца сзади, однако в этом случае, как кажется, передняя часть доспеха была ослаблена и уже не так надежно могла выдержать неприятельский удар. Предлагаемая реконструкция панцирного доспеха основывается на изображении двух сарматских (аланских?) катафрактиев в длинных пластинчатых пан-

³ Шургай. Ук соч., с. 99.

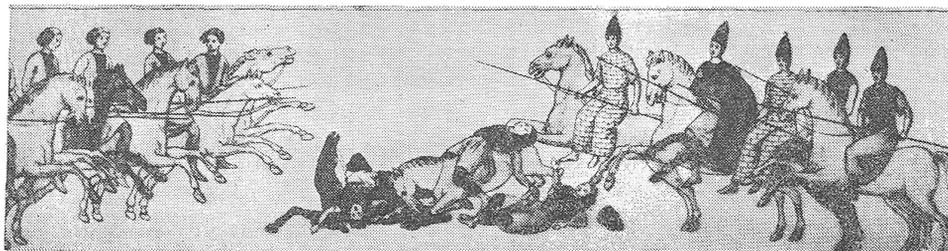

Рис. 3. Фрагмент настенной росписи с батальной сценой из склепа, открытого А. Б. Ашиком в Керчи в 1841 г. (вторая половина I — начало II в. н. э.)

дирах, сидящих «по-женски», на стенописи керченского склепа второй половины I — начала II в. н. э., открытого А. Б. Ашиком в 1841 г. (рис. 3)⁴. Следует заметить, что поскольку эта фреска не сохранилась в оригинале, а известна лишь по копии, выполненной художником Стефанским, М. И. Ростовцев высказал мнение, что «...несомненно, общая композиция сцены зарисована правильно, но детали посадки, костюма и вооружения интерполированы неточным и невежественным рисовальщиком. Так, несомненной фальсификацией или интерполяцией является женская посадка и доходящий до низа ног панцирь-кафтан двух сражающихся рыцарей на правой части стены. Шлемы с обозначенными продольными и поперечными ребрами явно показывают, что мы имеем здесь дело с обычным изображением боспорских всадников в яйцевидных решетчатых шлемах и длинных чешуйчатых панцирях. Эти панцири и обычное изображение у сидящих на лошади всадников левой ноги, выдвинутой вперед, а правой, по ту сторону лошади, отброшенной несколько назад, повели к фантастической реконструкции, вероятно, несколько поврежденного оригинала»⁵. По поводу посадки и доспехов всадников ашиковского склепа существует еще несколько предположений. Так, согласно точке зрения Ю. М. Десятчикова, весьма вероятно, что в рассматриваемой сцене конного боя «были изображены всадники-катафрактары, лошади которых имели панцирный пластинчатый доспех»⁶. Также было высказано мнение, что всадник, используя намеренно неустойчивую, «дамскую» посадку, тем самым демонстрировал свое пренебрежение к противнику⁷. Все эти объяснения, конечно же, не могут быть признаны удовлетворительными. На наш взгляд, прав М. В. Горелик, считающий, что рассматриваемым конникам, одетым в длинный и тяжелый, а главное, неразрезанный спереди (добавим — и сзади) панцирь, «ничего не остается, как сидеть боком»⁸.

Катафрактарий же из Илурата, облаченный в громоздкую броню, сидит, однако, правильно, «по-мужски», не оставляя никаких сомнений в том, что его доспех снабжен необходимыми в этом случае разрезами. Относительно того, к какому типу принадлежит панцирь илуратского воина, отметим, что он был не чешуйчатым, как полагал М. И. Ростовцев, а пластинчатым, т. е. состоящим из крупных металлических пластин, всей своей

⁴ Ростовцев М. И. Античная декоративная живопись на юге России. Т. II (Атлас). СПб., 1913, табл. LXXXVIII, 2.

⁵ Там же, т. I, 1914, с. 352 сл.

⁶ Десятчиков Ю. М. Катафрактарий на надгробии Афения. — СА, 1972, № 4, с. 75.

⁷ Кызласов И. Л. О происхождении стремя. — СА, 1973, № 3, с. 35.

⁸ Горелик М. В. Опыт реконструкции скифских доспехов по памятнику скифского изобразительного искусства — золотой пластине из Геремесова кургана. — СА, 1971, № 3, с. 245.

плоскостью нашитых на мягкую основу доспеха. На это указывают прорисованные горизонтальные ряды пластин, причем сами пластины скорее всего просто не прорисованы. Правда, из-за столь схематичной передачи структуры панцирного одеяния может создаться впечатление, что на граффито показан «ламинарный», т. е. набранный из горизонтально расположенных металлических или кожаных полос доспех. Однако он известен только у римских легионеров I—II вв. н. э., да и то лишь короткий, достигающий до пояса⁹, а также — уже в длинном варианте — у воинов, изображенных на раннесредневековых памятниках из Центральной Азии: ламинарные панцири, вероятно, одеты тюркские конники на хархадской писанице (Монголия), датируемой примерно VI—VII вв.¹⁰, и более определенно — согдийский всадник на фрагменте декоративного пюфа с горы Муг (VII—VIII вв.)¹¹, а также конные и пешие воины на фресках этого же времени из Восточного Туркестана¹². Применение длинного ламинарного доспеха в античное время не зафиксировано. По этой же причине (а не только по аналогии с изобразительными материалами ашиковского склепа) для нашей реконструкции бронированного одеяния всадника из Илурата выбраны именно крупные панцирные пластины. Ведь если предположить, что в данном случае для панцирного набора были использованы небольшие пластинки, поскольку, как известно, длинные мелкопластинчатые доспехи появились еще в глубокой древности и отмечены на рельефах египетского фараона Рамзеса II (XIII в. до н. э.) и ассирийского царя Ашшурназирпала II (IX в. до н. э.)¹³, то при этом нельзя игнорировать и то обстоятельство, что в дальнейшем они прослеживаются, как кажется, только по средневековым персидским миниатюрам¹⁴, а также, вероятно, на некоторых предметах искусства, изображающих тюрков¹⁵. Причина этого заключается, видимо, в том, что мелкопластинчатый панцирный набор, имея ряд преимуществ перед крупнопластинчатым (большая гибкость и легкость), в то же время не обладал достаточной прочностью; в этом он, в свою очередь, уступал чешуйчатым панцирям, более широко применявшимся в древнем мире.

Илуратская находка, по нашему мнению, наряду с изображением катафрактариев из ашиковского склепа подтверждает бытование на Боспоре в первые века н. э. длиннополой защитной одежды, армированной крупными металлическими пластинами. Отметим, что этот тип оборонительного доспеха также известен с древнейших времен. Судя по изобразительным свидетельствам и реальным остаткам, длинные — почти до пят — крупнопластинчатые панцири получили распространение среди пеших и колесничных воинов в Египте, в Сиропалестинском регионе и на Кипре еще во

⁹ *Robinson H. R. The Armour of Imperial Rome. L., 1975, p. 174—185.*

¹⁰ *Новгородова Э. А., Горелик М. В. Наскальные изображения тяжеловооруженных воинов с монгольского Алтая. — В кн.: Древний Восток и античный мир. М., 1980, с. 101—112, рис. 6—9.*

¹¹ *Джалилов А. Согд накануне арабского нашествия и борьба согдийцев против арабских завоевателей в первой половине VIII в. — Тр. ИИАЭ АН ТаджССР, 1961, т. XXX, с. 86—87, рис. 17.*

¹² *Le Coq A. von. Bilderatlas zur Kunst und Kulturgeschichte Mittel-Asiens. B., 1925, fig. 32, 33, 65, 66, 68, 108.*

¹³ *Budge E. A. W. Assyrian Sculptures in the British Museum: Reign of Ashurnasir-pal, 885—860 B. C. L., 1914, pl. XVIII, 2; XXIII, 2; XXIV, 1; Barnett R. D., Falkner M. The Sculptures of Assurnasir-pali II (883—859 B. C.), Tiglath-pileser III (745—727 B. C.), Esarhaddon (681—669 B. C.) from the Central and South-West Palaces at Nimrud. L., 1962, pl. CXVI, CXVIII, CXIX, CXXII.*

¹⁴ *Robinson H. R. Oriental Armour. L., 1967, fig. 15, 17, C—D, 18, A—B, 19, A.*

¹⁵ *Ibid., fig. 31, A—B.*

второй половине II тыс. до н. э. В IX в. до н. э. их применение отмечено на рельефах ассирийского царя Салманасара III¹⁶, а столетием позже — в скульптуре из Сакчегезу (Северная Сирия)¹⁷. Но почти сразу же перед носителями столь громоздких и несовершенных доспехов встала проблема их облегчения. Если вначале она решалась путем замены больших пластин панцирного набора мелкими, что нашло свое отражение, как мы видели выше, на некоторых памятниках Египта и Ассирии (рельефы Рамзеса II и Ашшурназирпала II), то начиная уже с VIII в. до н. э. передовые в военном отношении ассирийцы вообще отказались от неудобных длинных доспехов, заменив их короткими — пластинчатыми и чешуйчатыми. Традиция употребления длинной пластинчатой напивной брони на Переднем Востоке как будто бы прервалась. Ее новое появление относится уже к гораздо более позднему времени и связано с другим регионом: длинные пластинчатые панцири, аналогичные доспехам воинов с фрески ашиковского склепа и граффито из Илурата, фигурируют на монетах сакских правителей индоиранского приграничья I в. до н. э. — начала I в. н. э., причем теперь они выступают в новом качестве — как защитное снаряжение тяжелой конницы.

Интересующие нас монеты с изображением бронированного всадника на аверсе происходят из Арахосии (древней области на юге совр. Афганистана) и Северо-Западной Индии. К арахосийскому чекану относятся монеты некоего Вонона, носящего пышный титул «царь царей»¹⁸, на которых обязательно присутствуют имена его вассалов — Спалахора¹⁹ или Спалагадама²⁰, а также монетные выпуски Спалирида и Спалагадама²¹ и Спалириса с легендами «брат царя»²² и «великий царь» (на реверсе — имя Аза, по-видимому, Аза I)²³. Заметим, что и по типу, и по личным именам (кроме бессорно парфянского имени Вонон) эти монеты представляют типичные эмиссии индо-сакских правителей, хорошо известные по материалам Северо-Западной Индии. Конники в тяжелых доспехах — обычный сюжет на монетах царства саков (шаков) с центром в Гандхаре на протяжении всего периода его существования (ок. 80 г. до н. э. — начало I в. н. э.) начиная с правления царя Мава (Моги индийских источников)²⁴ и далее — в чекане его преемников: Аза I²⁵, Аза I и Азили-

¹⁶ Barnett R. D., Forman W. Assyrische Palastreliefs. Prague, (1959), Taf. 147—150, 158—160, 162, 163, 168, 169, 171—173.

¹⁷ Klengel H. Geschichte und Kultur Altsyriens. Lpz, 1979, Taf. 67.

¹⁸ Этот Вонон, возможно, был парфянским правителем Сакастены, которому подчинялась и Арахосия (Массон В. М., Ромодин В. А. История Афганистана. Т. I. С древнейших времен до начала XVI в. М., 1964, с. 138), или же, согласно другой точке зрения, одним из парфянских «безымянных» царей «темного времени» (90—57 гг. до н. э.), в правление которого Арахосия очень недолго (ок. 75—70 гг.) входила в сферу влияния Аршакидов (Simonetta A. M., Widemann F. (comments). The Chronology of the Gondophaean Dynasty.— EW, H. S., 1978, 28, 1—4, p. 162 f., 167). Вероятно, при Спалирисе Арахосия вошла в состав Индо-сакской державы Аза I (Массон, Ромодин. Ук. соч., с. 139).

¹⁹ Gardner P. The Coins of the Greek and Scythic Kings of Bactria and India in the British Museum. L., 1886 (далее — BMC), pl. XXI, 7, 8; Whitehead R. B. Catalogue of Coins in the Panjab Museum, Lahore. V. I. Indo-Greek Coins. Oxf., 1914 (далее — PMC), pl. XIV, 374.

²⁰ BMC, pl. XXI, 10; PMC, pl. XIV, 382.

²¹ BMC, pl. XXI, 12; PMC, pl. XIV, 386.

²² BMC, pl. XXII, 1; PMC, pl. XIV, 394.

²³ BMC, pl. XXII, 3; PMC pl. XIV, 395.

²⁴ Правда, монеты Мава, относящиеся к этой серии, плохой сохранности: BMC, pl. XVI, 3, 6, 7; PMC, pl. X, 27.

²⁵ BMC, pl. XVII, 8, 10—13; XVIII, 1—11; XIX, 8, PMC, pl. XI, 36, 38; XII, 292,

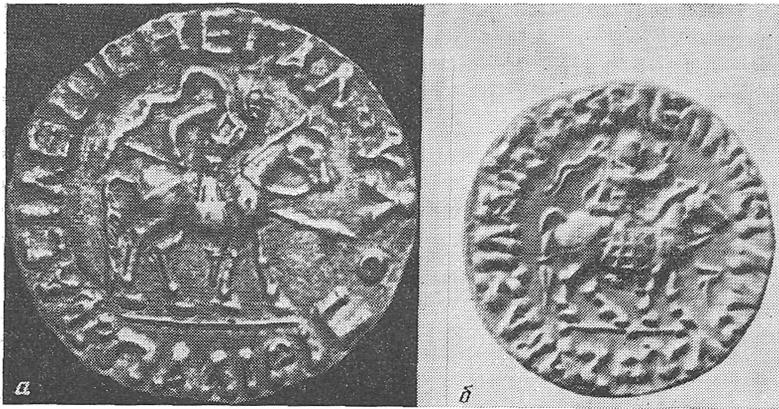

Рис. 4. Монеты индо-сакских царей: а — Спалириса (ок. 70 г. до н. э.); б — Аза I (середина I в. до н. э.)

са²⁶, Азилиса²⁷, Азилиса и Аза II²⁸, Аза II²⁹, Аза II и Аспавармы³⁰ Панцири, в которые облачены на этих монетах индо-сакские государи, представляют собой длинное, ниже колен, одеяние, бронированное большими прямоугольными пластинами (рис. 4). Конечно же применение таких доспехов нельзя объяснить архаическими пережитками в развитии средств личной защиты: налицо стремление найти универсальный тип брони, который бы эффективно соединял в себе функции не только панциря, защищающего грудь и спину, но и одновременно прикрытия для таких уязвимых частей тела конного воина, как бедра и ноги. Другое дело, что, будучи достаточно прочным, такой доспех ввиду своей тяжести и излишней жесткости не был широко распространен, а известен лишь у индо-сакских и боспоро-сарматских катафрактариев. Наибольшее же применение в тяжелой коннице позднеантичного времени получили чешуйчатые и кольчужные рубахи, как длинные, достигавшие колен, так и короткие, сочетавшиеся с различными видами набедренных и ножных лат.

На наш взгляд, столь малая распространенность длинного всаднического пластинчатого доспеха вместе с довольно четкой первоначальной локализацией его носителей позволяет говорить о среднеазиатском происхождении этого типа защитного вооружения. Хотя здесь он, казалось бы, археологически не прослеживается, тем не менее хорошо известно, что и индо-саки, и сарматы самым тесным образом были связаны со Средней Азией. Появление саков на территории Арахосии и Северо-Западной Индии явилось следствием событий, имевших место в первой половине II в. до н. э. в глубинных районах Центральной Азии³¹.

Говоря о сарматах, через посредство которых рассматриваемый тип панцирного доспеха попал в Северное Причерноморье, нельзя не констатировать тот факт, что в настоящее время археологически засвидетельствованы тесные контакты племен сарматского круга, живших в Южном

²⁶ BMC, pl. XIII, 319.

²⁷ BMC, pl. XX, 9—11, XXI, 3; BMC, pl. XIII, 331; XIV, 358.

²⁸ BMC, pl. XX, 3.

²⁹ Массон, *Ромодин*. Ук. соч., табл. 13, 6.

³⁰ BMC, pl. XX, 2.

³¹ Narain A. K. *The Indo-Greeks*. Oxf., 1957, p. 128—138.

Приуралье и Приаралье (аорсов, роксоланов и аланов, согласно К. Ф. Смирнову), с сако-массагетским миром Средней Азии; безусловно, эти контакты имели место и в военной сфере³². Таким образом, с известной долей уверенности можно предположить, что длинные пластинчатые панцири, специально предназначенные для конницы, первоначально появились на территории обитания сако-массагетов — от бассейна Амударьи на западе до Семиречья на востоке — по крайней мере до середины II в. до н. э. (т. е. к моменту юэчжийской экспансии) и в таком виде были восприняты сарматскими племенами Южного Приуралья и Приаралья (впрочем, не исключено, что происхождение указанных доспехов было связано и с этими землями).

Трудно согласиться с Л. Бакхофером, который увидел в индо-саках сарматов, мотивируя это тем, что именно для последних характерен тот комплекс тяжелого вооружения, который изображен на монетах индо-сакских правителей³³. Однако из Арриана мы знаем, что в битве при Гавгамелах среднеазиатские скифы (саки) — союзники Дария III — вместе со своими конями были тщательно защищены доспехами (Anab. III, 13, 4). Неправильность взгляда на скифо-сакское войско как только на массу легковооруженных конников подтверждают также археологические находки, происходящие с территории Средней Азии: остатки железного пластинчатого панциря (или панцирей), обнаруженные в камере круглого погребального сооружения на городище Чирик-Рабат³⁴, часть изображения всадника в латах на фрагменте терракотовой фляги из Хумбуз-Тепе³⁵ и бронированное одеяние сакского вождя («золотого человека») из кургана Иссык³⁶.

Не только типологически, но и, очевидно, генетически к доспехам индо-сакских и сарматских катафрактариев восходят панцири, представленные на памятниках искусства Гандхары (пехотинец на рельефе из Кашила-васту³⁷) и Кушанской Бактрии (доспех катафрактария на композициях скульптурного зофора дворца в Халчаяне³⁸); правда, панцири гандхарского и халчаянского воинства едва ли опускаются ниже середины бедренной кости и представляют собой, скорее всего, усовершенствованный вариант этого типа доспеха. Применение в Средней Азии длинного крупно-пластинчатого панциря документально зафиксировано для эпохи раннего средневековья: в них облачены воины, сражающиеся в конном и пешем строю, на росписях Пенджикента³⁹ и отдельные всадники в сцене осады города на знаменитом Аниковском блюде⁴⁰.

Возвращаясь к нашему граффито, заметим, что оборонительное снаряжение изображенного на нем всадника, очевидно, дополнял шлем. И хотя верхняя часть рисунка не сохранилась, можно с достаточной долей уверен-

³² Смирнов К. Ф. Савроматы (Ранняя история и культура сарматов). М., 1964, с. 280; *он же*. Сарматы на Илеке. М., 1975, с. 174.

³³ *Bachhofer L.* On Greeks and Sacas in India.— JAOS, 61, 4, p. 247—249.

³⁴ Толстов С. П. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962, с. 148, 150, рис. 82, а — г; *Труновская С. А.* Круглое погребальное сооружение на городище Чирик-Рабат.— МХЭ, вып. 6. М., 1963, с. 209 сл.

³⁵ *Мамбетуллаев М.* Рельефное изображение всадника на керамической фляге из Хумбуз-Тепе.— СА, 1977, № 3, с. 278—281, рис. 1 на вкл. к с. 128.

³⁶ *Акишев К. А.* Курган Иссык. Искусство саков Казахстана. М., 1978, с. 52, илл. 69.

³⁷ *Горелик М. В.* Кушанский доспех.— В кн.: Древняя Индия: Историко-культурные связи. М., 1982, с. 92, табл. 7, а.

³⁸ Там же, с. 82—84, табл. 1, а — б.

³⁹ *Джалилов.* Ук. соч., рис. 19, 20.

⁴⁰ Там же, рис. 18.

ности предположить, что голова илуратского воина была увенчана каркасным шлемом яйцевидной или конической (как на нашей реконструкции) формы — наиболее распространенным типом боевых оголовий на Боспоре сарматского времени. Судя по всему, конь на рассматриваемом изображении не имеет защитного доспеха, который, по всей вероятности, так и не получил широкого распространения среди сарматских и боспорских катафрактариев⁴¹.

Наступательное оружие всадника из Илурата представлено длинной пикией. Длина сарматских копий достигала 3,4 м. Вообще же длинные (до 3 м и выше) копыя были известны в Северном Причерноморье еще со скифской эпохи⁴². Пика была грозным оружием катафрактариев: снабженная массивным тяжелым наконечником, она, по свидетельству древних авторов, с одного удара могла пробить двух человек (Plut., Crass. 27; Heliod., IX, 15). На нашем граффито нет такого важного элемента вооружения катафрактария, как длинный рубящий меч, но, по-видимому, его автор просто не обратил внимания на эту, как ему казалось, второстепенную деталь, сконцентрировав все свое внимание на общей композиции рисунка.

Важным представляется вопрос о посадке илуратского всадника. Художник запечатлел его в тот момент, когда, приблизившись к неприятелю, он, слегка развернув свой корпус левым плечом вперед и подтянув левой рукой поводья, отводит правую руку с копьем, готовясь нанести удар. Для того чтобы тот получился более точным, наездник направляет пику, поддерживая древко согнутой в локте левой рукой. Судя по положению пики, он намеревается атаковать конного противника. В научной литературе утвердилось мнение о какой-то особой, «сарматской» посадке, заключающейся в том, что всадник, держа пику обеими руками, применял, дабы

⁴¹ По крайней мере в письменной традиции нет вполне определенных указаний на использование сарматами доспехов для боевых коней. Так, Тацит в своем подробном описании вооружения сарматских катафрактариев, торгнующихся в 68 г. н. э. в Мезию, ничего не говорит о защитном снаряжении их лошадей (Hist. I, 79). Отсутствуют защитные покрытия и у коней сарматских воинов, изображенных на арке Галерия в Салониках (ок. 300 г. н. э.; *Ростовцев*. Античная декоративная живопись..., с. 333, табл. LXXXVI, 1, 2). Правда, очень возможно, что не всадникам, а их коням принадлежало несколько крупных кольчатых и чешуйчатых катафрактов, найденных в сарматских могилах у станции Ярославская и Елизаветинская и в одном из курганов Калининского могильника. Вполне вероятно также и то, что «...сарматский обычай иметь во время похода запасную лошадь связан с тяжестью бронзового покрытия и всадник пересаживался на лошадь, покрытую броней, только при сближении с противником» (*Петерс Б. Г.* Военное дело. — В кн.: Археология СССР с древнейших времен до средневековья. Античные государства Северного Причерноморья. М., 1984, с. 190). Отсутствие же достоверных находок сарматских лошадиных катафрактов объясняется, вероятно, тем, что они чаще всего изготавливались из кожи. К тому же меньшая распространенность конского доспеха у сарматов была связана со специфическими условиями среды их кочевания. Более определенно можно говорить об использовании конской брони в катафрактарной коннице Боспора, хотя и здесь она, по-видимому, также не получила сколько-нибудь значительного применения. Конская пластинчатая попона изображена на стеле Афения, сына Мены (*Десятчиков*. Катафрактарий..., с. 73, рис. 3), а с территории Азиатского Боспора происходят находки двух лошадиных катафрактов: одна, кольчатая, была обнаружена в погребении первых веков н. э. в Краснодаре (*Анфимов Н. В.* Меотский могильник на западной окраине Краснодара. — Наш край. Материалы по изучению Краснодарского края. Вып. 1. Краснодар, 1960, с. 164), а вторая, пластинчатая — в ходе недавних раскопок в Кесах (об этой находке см. заметку В. Корнеева в газете «Известия» от 7 января 1985 г. в разделе «Новости из прошлого»). По мнению Ю. М. Десятчикова, панцирным покрытием снабжались главным образом кони передовых бойцов боевого порядка катафрактариев (*Десятчиков Ю. М.* Появление катафрактариев на Боспоре. — В кн.: Сборник докладов на IX и X Всесоюзных археологических студенческих конференциях. М., 1968, с. 46).

⁴² *Черненко Е. В.* Длинные копыя скифов. — В кн.: Древности Евразии в скифо-сарматское время. М., 1984, с. 231—235.

не вылетать из седла при сильном ударе (ведь стремян еще, видимо, не было ⁴³), компенсирующую технику: он поворачивал свой торс в три четверти левым плечом вперед, а ноги сгибал в коленях ⁴⁴. При этом в качестве доказательства приводятся данные изобразительного искусства Боспора. Однако на этих памятниках персонажи имеют явно героизированный облик, художники, очевидно, стремились создать парадные портреты своих заказчиков, служивших в тяжелой коннице Боспорского царства, избрав фоном для этого сцены из боевой жизни. На самом же деле, не имея стремян, да к тому же еще бросив поводья на шею лошади, воин в тяжелых доспехах, с пикой в обеих руках, каким бы искусным в верховой езде он ни был, неминуемо должен был оказаться на земле, по крайней мере в момент встречи с неприятелем. Как показал М. Макл, лично проведенный для этого специальный эксперимент, македонские всадники-сариссофоры достаточно уверенно действовали своим очень длинным копьём, достигавшим в длину 10—12 локтей (т. е. 4,5—5,4 м) ⁴⁵, держа его в правой руке, тогда как в левой находились поводья, а ноги плотно сжимали бока коня ⁴⁶. Только при выполнении этих трех условий конный копеец мог иметь в бою устойчивую посадку ⁴⁷. Как раз это мы и видим на граффито из Илурата, причем особенно ценен тот факт, что изображенный на нем всадник показан в обстановке, лишенной какой-либо парадности и идеализации.

Ю. М. Десятчиков на основании анализа изображений коней на некоторых боспорских погребальных стелах выдвинул предположение о существовании на Боспоре особой породы лошадей — рослых, сильных, выносливых и быстрых, т. е. обладавших всеми качествами, необходимыми для службы в тяжелой кавалерии, которые попали в Северное Причерноморье, по-видимому, из Средней Азии во время передвижения сарматских племен ⁴⁸. Эта точка зрения не противоречит мнению специалистов-гиппологов, допускающих известное влияние среднеазиатских лошадей на развитие коневодства в Северном Причерноморье ⁴⁹. Внимательно изучив изображение коня на илуратском граффито, И. Г. Шургая пришел к выводу, что оно дает именно такой тип высокопородистого «крепкого рослого скакуна с грациозным абрисом туловища и головы» ⁵⁰. Такими конями могли обладать только очень состоятельные люди (принадлежавшие к сословию пилитов, согласно Ю. М. Десятчикову ⁵¹). Высокая стоимость хороших лошадей, а также воинских доспехов лишала выходцев из малоимущих слоев общества возможности служить в катафрактарной коннице.

⁴³ Интересное предположение И. Л. Кызласова (ук. соч.) о том, что стремяна, изготовлявшиеся из органических материалов, были изобретены еще в IV—III вв. до н. э. в связи с массовым распространением всадников-катафрактариев, все еще остается гипотезой, не подкрепленной пока вещественными доказательствами.

⁴⁴ Блаватский В. Д. О боспорской коннице. — КСИИМК, 1949, XXIX, с. 96—99; *он же*. О боспорских всадниках в росписи Стасовского склепа. — В кн.: Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. Л., 1968, с. 44 сл.

⁴⁵ Markle M. M. The Macedonian Sarissa, Spear, and Related Armour. — AJA, 1977, 81, 3, p. 323, 333.

⁴⁶ Ibid., p. 334—337.

⁴⁷ Из рассказа Гелиодора (IX, 15) известно, что копыя бронированных конников порой прикреплялись ремнями в двух точках — к шее и крупу коня, а сам всадник рукой только направлял удар. Но и в этом случае наездник свободной рукой должен был держать поводья, создавая себе тем самым дополнительную точку опоры.

⁴⁸ Десятчиков. Катафрактарий..., с. 75 сл.

⁴⁹ Цалкин В. И. Домашние и дикие животные Северного Причерноморья в эпоху раннего железа. — МИА, 1960, № 53, с. 46—48.

⁵⁰ Шургая. Ук. соч., с. 99.

⁵¹ Десятчиков Ю. М. Процесс сарматизации Боспора: Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. ист. наук. М., 1974, с. 19.

Появление катафрактариев на Боспоре обычно связывают с влиянием военного дела сарматов⁵². Но существуют и другие точки зрения по этому вопросу. Так, В. Б. Виноградов и В. А. Петренко считают, что «...роль Боспора и его войска в сложении катафрактарной конницы могла быть более действенной, нежели простое усвоение сарматских рецептов». Эта мысль обосновывается следующими соображениями: во-первых, боспорское войско участвовало в борьбе Митридата VI Евпатора с Римом, а следовательно, оно «должно было отвечать уровню и требованиям времени»; во-вторых, на Боспоре в первые века н. э. наблюдался достаточно высокий уровень развития оружейного дела; без чего немислимо производство вооружения для катафрактариев⁵³. Все же мнение об известной самостоятельности военного дела Боспора в вопросе организации отрядов катафрактариев в условиях варварского окружения кажется нам надуманным. Гораздо большего внимания заслуживает точка зрения Е. В. Черненко, согласно которой на военное искусство греческих колоний Северного Причерноморья в значительной степени повлияли скифы, что сказалось в частности в появлении в войске греков тяжеловооруженных конных формирований⁵⁴. Действительно, исследования украинских археологов, и в первую очередь самого Е. В. Черненко, показывают, что уже в VI в. до н. э. на территории Северного Причерноморья, Прикубанья и Предкавказья появились конные воины с полным набором оборонительного вооружения — в панцирях, шлемах, с боевыми поясами и щитами; есть также данные о применении в это время средств защиты для боевых коней⁵⁵. В качестве главного наступательного оружия скифские бронированные всадники использовали длинные копья⁵⁶ и мечи⁵⁷. Конечно же, археологические свидетельства появления тяжелой конницы в степях Северного Причерноморья и Северного Кавказа не следует связывать только со скифским этносом: поскольку в Прикубанье в античную эпоху жили синды и меоты, то предметы тяжелого всаднического снаряжения, найденные в Келермесских и других курганах, безусловно принадлежали знати этих племен⁵⁸. Таким образом, у истоков боспорской кавалерии катафрактариев вполне могли стоять тяжеловооруженные конные контингенты скифских и прикубанских племен. Это предположение находит поддержку в сообщении Диодора Сицилийского (XX, 22) о том, что в битве при Фате между претендентами на боспорский престол — Сатиром и Евмелом (310/309 г. до н. э.) — на стороне первого сражались скифы — свыше 20 тыс. пехоты и около 10 тыс. всадников, причем в составе варварской конницы наш источник выделяет

⁵² Блаватский В. Д. Очерки военного дела в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1954, с. 141—145; Десятчиков. Появление катафрактариев..., с. 47.

⁵³ Виноградов В. Б., Петренко В. А. — СА, 1973, № 2, с. 279.

⁵⁴ Черненко Е. В. О влиянии военного дела скифов на военное дело античных колоний Северного Причерноморья. — В кн.: Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья. Материалы I Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья. Цхалтубо. 1977. Тбилиси, 1979, с. 185 сл.

⁵⁵ Он же. О времени и месте появления тяжелой конницы в степях Евразии. — МИА, 1971, № 177, с. 35—38; он же. Скифский доспех. Киев, 1968, с. 164; он же. Скифо-персидская война. Киев, 1984, с. 36—40; Мурзин В. Ю., Черненко Е. В. О средствах защиты боевого коня в скифское время. — В кн.: Скифия и Кавказ. Киев, 1980, с. 155—167.

⁵⁶ См. прим. 42.

⁵⁷ Скорий С. А. Скифські довгі мечі. — Археологія, 1981, 36, с. 19—25.

⁵⁸ Блаватский. Очерки военного дела..., с. 30 сл., 34. Наиболее яркие образцы паноплии меотских панцирных конников дали раскопки Курджишского кургана (см. Галанина Л. К. Курджишский курган. Памятник культуры прикубанских племен IV в. до н. э. Л., 1980, с. 49—52, 56 сл.; кат. 60—80).

отряд из отборных воинов во главе с самим Сатиром. О том, как выглядели отборные скифские конные воины в IV в. до н. э., дают представление золотой гребень из кургана Солоха⁵⁹ и золотая пластинка из Геремесова кургана⁶⁰. По-видимому, в досарматскую эпоху тяжелую кавалерию составляли союзная (или наемная) скифская гвардия и отряд конных латников, набранный из представителей синдо-меотской знати. Первые же надежные свидетельства о существовании на Боспоре классической бронированной конницы — катафрактариев относятся только к началу н. э., и это, вне всякого сомнения, следует связать с сарматским проникновением в боспорские земли. Отметим, что влияние на военное искусство Боспора сарматы начали оказывать еще с конца IV в. до н. э., когда в упоминавшейся уже битве при Фате армии Сатира противостояло войско сарматского племени сираков, возглавляемое царем Арифарном⁶¹. Примечательно, что, по свидетельству Диодора (XX, 22), центр войска Арифарна занимала конная свита, под которой, вероятно, следует понимать закованную в доспехи царскую дружину.

Ю. М. Десятчиков, основываясь на отдельных совпадениях в текстах древних авторов, предположил, что отряд катафрактариев входил в состав армии Боспора уже при Фарнаке (середина I в. до н. э.)⁶². Но это не более чем остроумная догадка. Самое раннее изображение катафрактария на памятниках боспорского искусства — оруженосец на упомянутой выше стеле Афения — датируется первой половиной I в. н. э.⁶³ Затем количество таких изображений возрастает: это и знаменитые панцирные конные копейщики на фресках керченских катакомб (середина I — первая половина II в. н. э.)⁶⁴, и рельеф Трифона из Танаиса (вторая половина II в.)⁶⁵, и, наконец, граффито из Илурата, датируемое, по всей видимости, концом II — первой половиной III в. Все эти данные свидетельствуют о той большой роли, которую конница катафрактариев играла в военном деле позднеантичного Боспора. Недаром некоторые боспорские цари (Котис I, Рискупорид II, Савромат I) изображали себя на монетах одетыми в панцирный доспех всадниками⁶⁶; возможно, что они лично стояли во главе привилегированного корпуса катафрактариев⁶⁷.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что изображение всадника в уникальном длинном пластинчатом панцире из Илурата занимает достойное место в ряду одновременных ему изображений античных катафрактариев — на граффито из Дура-Европос и рельефе Трифона, на наскальных рельефах из Танг-и-Сарвак⁶⁸ и Фирузабада⁶⁹.

В. А. Горончаровский, В. П. Никоноров

⁵⁹ Артамонов М. И. Сокровища скифских курганов в собрании Гос. Эрмитажа. Прага — Ленинград, 1966, табл. 147, 148, 150.

⁶⁰ Там же, табл. 188; *Горелик*. Опыт реконструкции...

⁶¹ Об этнической принадлежности войска Арифарна см.: Десятчиков Ю. М. Арифарн — царь сираков. — В кн.: История и культура античного мира. М., 1977, с. 45—48.

⁶² *Он же*. Появление катафрактариев..., с. 47 сл.

⁶³ *Он же*. Катафрактарий..., с. 71.

⁶⁴ Ростовцев. Античная декоративная живопись..., табл. LI, 6; LXIV, 1; LXXVIII, 1; LXXIX, LXXXVIII, 2.

⁶⁵ Там же, табл. LXXXIV, 3.

⁶⁶ Ростовцев М. И. Представление о монархической власти в Скифии и на Боспоре. — ИАК, 1913, 49, табл. IV, 4, 6, 7.

⁶⁷ Десятчиков. Появление катафрактариев..., с. 50.

⁶⁸ Ghirshman R. Iran: Parthians and Sassanians. L., 1962, fig. 69.

⁶⁹ Ibid., fig. 163—166.

Le graffito étudié provenant de la ville forte bosporane d'Iluratum représente un cavalier revêtu d'une cuirasse et armé d'une longue pique. Il date de la fin du IIe ou du début du IIIe s. de n. è et occupe à n'en pas douter une place honorable parmi les images de cataphractaires antiques de la même époque (le graffito de Dura Europos, le relief de Tryphon de Tanaïs et les reliefs rupestres de Tang-i-Sarvak et Firuzabad). La cuirasse de notre cavalier attire l'attention: longue jusqu'au milieu de la jambe, blindée de grosses plaques rectangulaires ou carrées. Ce genre de cuirasse était également porté par les cavaliers représentés sur les monnaies des monarques indo-scythes du Ier s. av. n. è. et du Ier s. de n. è., ce qui, faute d'analogies autres que les bosporanes, permet, semble-t-il, de conclure que ce type d'armure pour cataphractaires s'est constitué chez les tribus saco-sarmates d'Asie centrale et des territoires attenants au nord et que ce sont elles qui l'ont introduit aussi bien en Inde du Nord-Ouest que dans la Région pontique du Nord durant leurs déplacements.

КОММЕНТАРИЙ К ПИСЬМУ X.74 ПЛИНИЯ МЛАДШЕГО

В последние годы в отечественной и зарубежной науке появляется все больше исследований, посвященных истории античной металлургии и металлообработки. Новейшие работы базируются на комплексном изучении источников: применяются результаты археологических обследований древних рудников и производственных остатков, создаются своды металлических изделий, широко внедряются методы естественных наук. Вместе с тем письменные источники, которые играли столь важную роль в классических исследованиях по металлургии и металлообработке античного мира¹, остаются ценным материалом для решения многих проблем². Нам представляется, что в настоящее время существует и возможность обратной связи — на основе комплексного изучения памятников древней металлургии и металлообработки комментировать неясные места в древних письменных источниках.

Наше внимание привлек отрывок из письма 74 десятой книги писем Плиния Младшего, в котором императору Траяну сообщается о задержании некоего Каллидрома, по его словам, бывшего когда-то рабом у Лаберия Максима, захваченного в плен Сусагом и отправленного Децебалом в подарок парфянскому царю Пакуру, у которого он много лет находился на службе, а затем бежал и был задержан в Никомедии. Обратимся к последним строкам письма: «Его привели ко мне, и, когда он рассказал то же самое, я решил отправить его к тебе (т. е. Траяну. — М. Т.), но несколько задержался, разыскивая гемму с изображением Пакура во всем убранстве, которую, по словам Каллидрома, у него украли. Я хотел, если бы она нашлась, послать ее вместе с ним, как я послал *кусочек металла* (кур-

¹ *Blümner H.* Technologie und Terminologie der Gewerbe und Künste bei Griechen und Römern. Bd. IV, 1. Lpz, 1886.

² *Mattusch C. C.* Pollux on Bronze Casting: A New Look at *κἀναβοζ*. — Greek, Roman and Byzantine Studies, 1975, v. 16, № 3.